

Ch1 – Chehov A.P. Sobranie sochinenij: v 12 t. T. 11. Pis'ma 1877–1892. M.: Goslitizdat, 1956.

Ch2 – Chehov A.P. Sobranie sochinenij: v 12 t. T. 12. Pis'ma 1893–1904. M.: Goslitizdat, 1957.

Sh – Sholohov M.A. Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 10. Pis'ma. 1924–1984 gg. M.: Sov. pisatel', 2005.

1. Vorkachev S.G. Metodologicheskie osnovanija lingvokontseptologii // Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika. Vyp. 3: Aspekty metakommunikativnoj dejatel'nosti. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 2002. S. 79–95.

2. Vorkachev S.G. Schast'e kak lingvokul'turnyj koncept. M.: Gnozis, 2004.

3. Vorkachev S.G. Ljubov' kak lingvokul'turnyj koncept. M.: Gnozis, 2007.

4. Gajda St. Zhanry razgovornyh vyskazyvanij // Zhanry rechi. Vyp. 2. Saratov: Izd-vo GUNC «Kolledzh», 1999. S. 103–112.

5. Karasik V.I. Kul'turnye dominanty v jazyke // Karasik V.I. Jazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd: Izd-vo «Peremena», 2002. S. 166–205.

6. Karasik V.I., Slyshkin G.G. Bazovye harakteristiki lingvokul'turnyh konceptov // Antologija konceptov / nauch. red. V.I. Karasik, I.A. Sternin. T.1. Volgograd: Izd-vo «Peremena», 2005. S. 13–15.

7. Pimenova M.V. Metodologija konceptual'nyh issledovanij // Antologija konceptov / nauch. red. V.I. Karasik, I.A. Sternin. T.1. Volgograd: Izd-vo «Peremena», 2005. S. 16–19.

8. Horoshaja rech' / pod red. M.L. Kormilicynoj i O.B. Sirotininoj. 3-e izd. M.: Librokom, 2009.

9. Chernenko L.O., Dolinskij V.A. Imja sud'ba kak ob'ekt konceptual'nogo i asociativnogo analiza // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologija. 1996. № 6. S. 20–41.

Evolution of the concept “letter” in the Russian epistolary text of the XIX-XX centuries: linguistic culturological description

The article represents the methods of finding out the evolution of the concept “letter” in the letters of classical writers in Russian literature of the XIX-XX centuries. The author determines the context of the key word which verbalizes the concept, as well as the typical situations implemented by means of this word. The differences in implementation of some typical situations in letters are found out; they refer to various periods of time, which shows the evolution of the concept.

Key words: *typical situation, statement, key word, concept, linguoculturology, epistolary text.*

(Статья поступила в редакцию 23.06.2016)

А.К. КАРДАНОВА
(Нальчик)

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ В ИССЛЕДОВАНИИ ВОПРОСОВ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Описаны проблемы терминологического многообразия и полисемантичности современных исследований в области языкознания. Обоснована нецелесообразность разграничения коммуникативного и когнитивного сознания, предлагается заменить их понятиями коммуникативной и когнитивной функций сознания, имеющего языковую природу.

Ключевые слова: терминологическая многозначность, сознание и мышление, языковое, коммуникативное и когнитивное сознание, структура сознания, функции сознания.

В процессе межкультурной коммуникации имеют место не только своеобразное взаимовлияние и взаимопроникновение отдельных языковых единиц и культурных элементов, но и прежде всего соприкосновение различных типов языкового сознания, что и является основной причиной межкультурных неудач либо недостаточной эффективности межкультурной коммуникации. Возрастающий в этой связи интерес исследователей к природе и функции сознания в процессе мышления и порождения высказывания послужил своего рода «толчком» для появления значительного количества работ, посвященных рассматриваемой проблематике и проясняющих некоторые ее содержательные вопросы, в частности взаимосвязь языка, сознания, речи и мышления. В то же время очевидно и увеличение терминологической вариативности в описании явлений одного порядка. Так, оперирование терминами *языковое сознание* и *языковое мышление* как синонимичными, равно как и разграничение понятий языкового, коммуникативного и когнитивного сознания, зачастую затрудняет их дальнейшее исследование.

Соответственно, в данной статье мы ставим целью попытку определить целесообразность и избыточность терминологического многообразия описания вопросов языкового сознания и мышления. Так, к примеру, при том, что термин «языковое сознание» является общепринятым, можно утверждать, что на

сегодняшний день не существует единой трактовки данного понятия, несмотря на то, что вопросы изучения феномена языкового сознания поднимали и исследовали многие ученые (Л.С. Выготский, А. Вежбицкая, А.Р. Лурия, А.А. Потебня, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева и др.) [4; 21; 25; 3; 7; 16; 28–30].

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой дано такое определение данного термина: «особенности культуры и общественной жизни данного человеческого коллектива, определившие его психическое своеобразие и отразившиеся в специфических чертах данного языка» [1, с. 435]. Предлагаемое определение дополняется и развивается другими исследователями. К примеру, О.И. Блинова уже более детально определяет его как «совокупность знаний, представлений, суждений о языке, элементах его структуры, их функциональных особенностях, нормах произношения, словоупотребления и т. д.» [2, с.122].

С точки зрения И.А. Зимней, которая обращает особое внимание на антропоцентричную природу языкового сознания, оно является не чем иным, как формой существования индивидуального когнитивного сознания человека разумного, личности и социального существа [10, с. 51]. Именно существование человека в рамках определенного языкового пространства позволяет говорить о языковой личности – носителе языкового сознания, что в целом созвучно идее о психоглоссах Ю.Н. Караулова, который определил языковую личность как совокупность «способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений» [12, с. 9]. В.И. Карасик, в свою очередь, рассматривает языковое сознание в контексте речевой организации человека, которая обусловлена этно-, социо- и личностно-культурными факторами. Автор также вводит понятие коммуникативной компетенции, которая понимается им как проявление языкового сознания в выборе средств общения [11, с. 6]. С.Е. Никитина также сближает понятие «языковое сознание» с индивидуальными особенностями речевого поведения, которые определяются экстралингвистическими факторами формирования сознания говорящего, и выводит понятие «языковое самосознание» личности [24, с. 34–40].

Как мы можем заключить из предложенных различными лингвистами концепций, большее количество исследователей сходятся в описании факторов, определяющих развитие и функционирование языкового сознания, однако, как справедливо отмечает И.Н. Горелов,

«языковое сознание функционирует в научных текстах не как однозначное терминосочетание, а в качестве интуитивно найденного обозначения различных “ясно-смутных” представлений об обозначаемых, часто синонимичных “языковому мышлению”» [6, с. 47]. Подобным же образом в работах С.Л. Рубинштейна сознание трактуется как психическая деятельность, состоящая в рефлексии мира и самого себя. «“Единицей” сознательного действия является целостный акт отражения объекта субъектом, включающий единство двух противоположных компонентов: знания и отношения» [18, с. 280]. Леонтьев ассоциирует сознание с картиной мира, в которую включен сам субъект, его *действия* и состояния [19, с. 167]. Неясно, включает ли процесс мышления в многоуровневую структуру сознания и/или является одной из его функций, или представляет собой иную психическую функцию, определяемую сознанием и сознание же определяющую?

Ответом на этот вопрос может служить теория И.А. Стернина, который изначально проводит параллель между терминами «коммуникативное сознание» и «коммуникативное мышление»: «...сопоставление русского *коммуникативного сознания* с европейским позволяет выявить многочисленные различия, некоторые из которых являются достаточно яркими... Для западного *коммуникативного мышления*, к примеру, гораздо более ярко выражены категории коммуникативной ответственности и коммуникативной неприкосновенности» [26, с. 91]. Автор вполне логично уточняет, что «термин “сознание” в принципе акцентирует статический аспект явления, а мышление – динамический. Сознание – это свойство мозга, мышление – это деятельность мозга, наделенного сознанием (то есть мыслительная деятельность)» [27, с. 44].

Учитывая, что термин «языковое сознание» при всем многообразии вкладываемого в него различными исследователями содержания является психолингвистическим, т. е. находится на стыке психологии и лингвистики, считаем необходимым во избежание терминологической многозначности опираться на уже существующие в психологии термины «сознание» и «мышление».

В «Большом психологическом словаре» под ред. Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко даны определения сознания и мышления как «идеальной **формы** отражения действительности» [22, с. 446] и «психического процесса отражения действительности, высшей формы творческой активности человека» [Там же, с. 277].

Предлагаемое И.А. Стерниным разграничение понятий «языковое мышление» и «языковое сознание» как динамического процесса и свойства мозга представляется вполне обоснованным, и, следовательно, понятным становится некоторое синонимичное употребление данных терминов в лингвистике. Тем не менее полное их отождествление, на наш взгляд, является неприемлемым, поскольку разграничение формы и процесса отражения реальности как высшей психической функции человека имеет немаловажное, если не первостепенное значение в изучении процесса межкультурной коммуникации как явления, не только отражающего различия в реальности и *форме ее отражения* (т. е. в сознании), но и стимулирующего либо тормозящего *процесс* отражения реальности (иными словами, мышление) участниками межкультурного контакта. Кроме того, в плане исследования межкультурной коммуникации для нас наиболее значимыми являются такие вышеуказанные характеристики мышления, как «развитие и приращение *знаний*, возможное лишь в том случае, если оно направлено на разрешение противоречий» (неизбежно возникающих в процессе межкультурной коммуникации), а также то, что в генезе мышления «важнейшую роль играет понимание» (в том числе и людьми друг друга) [22, с. 277].

Сознание и мышление, несомненно, обладают языковой природой, что отмечали еще А.Н. Леонтьев [20] и Л.С. Выготский [4]. Этот факт подтверждается наличием значения в многоуровневой природе сознания. По А.Н. Леонтьеву, «сознание в своей непосредственности есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен он сам, его действия и состояния» [20, с. 167]. Р.С. Немов считает, что сознание также имеет такие немаловажные психологические характеристики, как способность мысленно представлять существующую или воображаемую действительность познающим субъектом и его способность к коммуникации [23, с. 133–135]. По мнению А.Е. Карлинского, язык и сознание необходимо рассматривать в тетраэдре «язык, сознание, речь, мышление» [13]. В.В. Красных также подчеркивает, что сознание (языковое сознание) имеет языковую природу, «манифестирует себя в языке» и язык, по идее Лейбница, есть наилучшее отражение человеческой мысли [15].

По Л.С. Выготскому, мышление, как и сознание, также находится в тесном двуединстве с языком [4]. Тем не менее сознание, в отличие от мышления, является не только индивиду-

ально обусловленной психической функцией человека разумного, но и, как было отмечено ранее, социально и национально обусловленным явлением, присущим группе (обществу) людей, и, соответственно, выступает частью культурного самосознания, ибо между осознанием элементов языка и элементов культуры нет четко выраженной границы.

В этом смысле языковое сознание близко к понятию «языковая картина мира» [8] или к используемому П.Я. Гальпериным термину «когнитивное сознание» [5] и рассматривается как механизм адаптации этноса к окружающей среде. Под когнитивным сознанием понимается сознание в целом как результат познавательной деятельности (мышления). Однако когнитивное сознание, в отличие от языкового, не всегда находит вербальное выражение и может существовать в виде когнитивных схем или неосознанных структур, т. е. можно прийти к выводу, что языковое сознание, с одной стороны, входит в состав когнитивного, с другой стороны, не исчерпывается им, поскольку является основой речемыслительной деятельности.

Учитывая представленные выше теории и несомненную этно- и социокультурную детерминацию языкового сознания [8], мы считаем наиболее адекватным следующее его определение, предлагаемое Е.С. Кубряковой: «**Языковое сознание** – это превращенная форма жизнедеятельности человека, способ вербализации человеческого социокультурного опыта и его национально-культурного осознания, включающий в себя материальное (языковое знание как материальный субстрат сознания), идеальное (психические состояния, семантика), социокультурный опыт (знания о мире), актуализирующиеся в процессе ментальной деятельности» [17, с. 240]. На наш взгляд, подобная интерпретация языкового сознания с точки зрения актуализации языка и сознания в когнитивно-коммуникативной системе человека является целесообразной в аспекте изучения межкультурной коммуникации.

Однако решение проблемы связи языка и сознания будет односторонним и узким, если не принимать во внимание речемыслительную деятельность говорящего. Поэтому мы считаем необходимым исследование их во взаимосвязанности и взаимообусловленности в когнитивно-коммуникативной системе человека, несмотря на их противоречивые характеристики в онтологическом, гносеологическом и прагматическом аспектах.

В этой связи И.А. Стернин ввел термин «коммуникативное сознание», принципиаль-

ное отличие которого от «сознания языкового» он видит в том, что коммуникативное сознание включает в себя, помимо исключительно знакового, лингвистического «овнешнения» сознания, еще и полный комплекс коммуникативной деятельности человека [27, с. 45]. По теории И.А. Стернина коммуникативное сознание, являясь составной частью сознания когнитивного, включает в себя языковое сознание, но не исчерпывается им. Мы предлагаем следующую схему для описания предложенной им концепции (рис. 1).

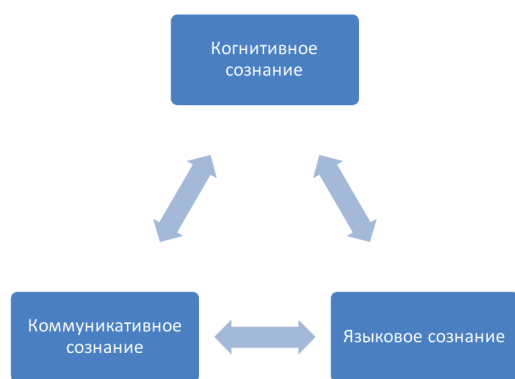

Рис. 1. Соотношение типов сознания

Однако в таком случае получается, что каждое человеческое существо обладает несколькими видами сознания: языковым, когнитивным и коммуникативным, обыденным и профессиональным [14], попеременно либо одновременно «включающимися» в зависимости от конкретной прагматической ситуации. Соответственно, мы полагаем нелогичным подобное «разделение» сознания, обладающего, очевидно, однородной структурой. Поскольку сознание имеет языковую природу [9], мы можем говорить, скорее, о когнитивной и коммуникативной функциях языкового этнокультурно детерминированного сознания.

Дополняя разделяемую нами концепцию А.Е. Карлинского, который считает, что для лучшего понимания ментальных объектов и процессов (сознания и мышления) в языке и речи необходимо язык и сознание рассматривать в тетраэдре «язык, сознание, речь, мышление» [13], мы предлагаем следующую условную схему, отражающую когнитивную и коммуникативную функции языкового сознания в процессе мышления и порождения речи (рис. 2).

Из предложенной нами схемы становится ясным, что сознание, несомненно, обладаю-

щее языковой природой, тесно взаимосвязано с мышлением и речью посредством своей когнитивной и коммуникативной функций.

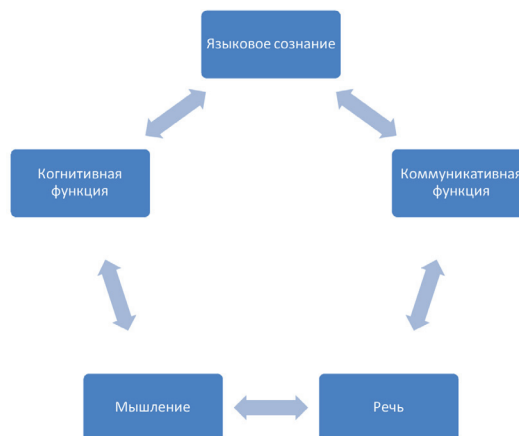

Рис. 2. Функции сознания в процессе мышления и речепорождения

Разграничение представленной терминологии, ее релевантное использование в теоретических и прикладных работах позволят не только структурировать лингвистические исследования путем разграничения терминов *сознание* и *мышление*, определить функции сознания в процессе мышления и порождения речевого высказывания, в отличие от ранее предложенных его видов, но и избежать широко распространенного терминологического разногласия в исследовании явлений одного порядка.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1969.
2. Блинова О.И. Номинация и мотивация // Диалектное слово в лексико-системном аспекте. М., 1989. С. 65–74.
3. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Рус. словари, 1997.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь. 5-е изд., испр. М.: Лабиринт, 1996.
5. Гальперин П.Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления // Вопросы философии. 1977. № 4. С. 17–22.
6. Горелов И.Н. Языковое сознание как система актуализированных декларативных и процедурных знаний // IX Всесоюзный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание» (30 мая – 2 июня): тез. докл. М., 1988. С. 46–48.
7. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.

8. Дзюба Е.В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании. Екатеринбург: УГПУ, 2015.
9. Емельянова Е.В. Языковая картина мира и языковое сознание // Инновационная наука: междунар. науч. журн. 2015. № 10. С. 155–159.
10. Зимняя И.А. Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: ИЯ РАН, 1993. С. 51–58.
11. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
12. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2002.
13. Карлинский А.Е. Избранные труды по теории языка и лингводидактике. Алматы, 2007.
14. Колясева А.Ф. Терминология в зеркале обыденного и профессионального языкового сознания: дис. ... канд. филол. наук. 10.01.02. М., 2014.
15. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002.
16. Кубрякова Е.С. Язык и знание / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания: М.: Яз. слав. культуры, 2004.
17. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997.
18. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
19. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. М.: Педагогика, 1983.
20. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. 3-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.
21. Лурия А.Р. Язык и сознание / под ред. Е.Д. Хомской. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
22. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большая психологический словарь. М.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002.
23. Немов Р.С. Основы психологического консультирования: учебник для студ. педвузов. М.: ВЛАДОС, 1999.
24. Никитина С.Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 34–40.
25. Потебня А.А. Мысль и язык. Киев: Синто, 1989.
26. Стернин И.А. О национальном коммуникативном сознании // Лингвистический вестник. 2002. Вып. 4. С. 87–94.
27. Стернин И.А. Коммуникативное и когнитивное сознание // С любовью к языку. М.–Воронеж, 2002. С. 44–51.
28. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание и его познавательный статус // Проблемы психоллингвистики: теория и эксперимент. М., 2001. С. 301–311.
29. Тарасов Е.Ф. Социально-психологические аспекты этнопсихоллингвистики // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 4–77.
30. Уфимцева Н.В. Структура языкового сознания русских: 70–90-е годы // Этническое и языковое самосознание: материалы конф. М., 1995. С. 153–156.
31. Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика. М., 1983. С. 102–117.
32. Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985.
33. Якобсон Р. Язык и бессознательное (работы разных лет). М.: Гнозис, 1996.
- * * *
1. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. M.: Sov. jencikl., 1969.
2. Blinova O.I. Nominacija i motivacija // Dialektnoe slovo v leksiko-sistemnom aspekte. M., 1989. S. 65–74.
3. Vezhbickaja A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie. M.: Rus. slovari, 1997.
4. Vygotskij L.S. Myshlenie i rech'. 5-e izd., ispr. M.: Labirint, 1996.
5. Gal'perin P.Ja. Jazykovoe soznanie i nekotorye voprosy vzaimootnoshenija jazyka i myshlenija // Voprosy filosofii. 1977. № 4. С. 17–22.
6. Gorelov I.N. Jazykovoe soznanie kak sistema aktualizirovannyh deklarativnyh i procedural'nyh znaniij // IX Vsesojuznyj simpozium po psiholingvistike i teorii kommunikacii «Jazykovoe soznanie» (30 maja – 2 ijunja): tez. dokl. M., 1988. S. 46–48.
7. Dejk T.A. van. Jazyk. Poznanie. Kommunika-cija. M.: Progress, 1989.
8. Dzjuba E.V. Lingvokognitivnaja kategorizacija v ruskom jazykovom soznanii. Ekaterinburg: UGPU, 2015.
9. Emel'janova E.V. Jazykovaja kartina mira i jazykovoe soznanie // Innovacionnaja nauka: mezhdunar. nauch. zhurn. 2015. № 10. S. 155–159.
10. Zimnjaja I.A. Sposob formirovanija i formulirovanija mysli kak real'nost' jazykovogo soznaniija // Jazyk i soznanie: paradoksal'naja racional'nost'. M.: IJa RAN, 1993. S. 51–58.
11. Karasik V.I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002.
12. Karaulov Ju.N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. 2-e izd., ster. M.: Editorial URSS, 2002.
13. Karlinskij A.E. Izbrannye trudy po teorii jazyka i lingvodidaktike. Almaty, 2007.
14. Koljaseva A.F. Terminologija v zerkale obydenного i professional'nogo jazykovogo soznaniija: dis. ... kand. filol. nauk. 10.01.02. M., 2014.
15. Krasnyh V.V. Jettopsiholingvistika i lingvokulturologija: kurs lekcij. M.: Gnozis, 2002.
16. Kubrjakova E.S. Jazyk i znanie / Ros. akad. nauk, In-t jazykoznanija: M.: Jaz. slav. kul'tury, 2004.
17. Kubrjakova E.S., Dem'jankov V.Z., Pankrac Ju.G., Luzina L.G. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / pod obshh. red. E.S. Kubrjakovoj. M.: Filol. fak. MGU im. M.V. Lomonosova, 1997.

18. Leont'ev A.N. Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M.: Politizdat, 1975.
19. Leont'ev A.N. Izbrannye psihologicheskie proizvedenija: v 2 t. M.: Pedagogika, 1983.
20. Leont'ev A.N. Problemy razvitija psihiki. 3-e izd. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1972.
21. Lurija A.R. Jazyk i soznanie / pod red. E.D. Homskoj. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1979.
22. Meshherjakov B.G., Zinchenko V.P. Bol'shoj psihologicheskij slovar'. M.: Prajm- EVROZNAK, 2002.
23. Nemov R.S. Osnovy psihologicheskogo konsul'tirovanija: uchebnyj dlja stud. pedvuzov. M.: VLADOS, 1999.
24. Nikitina S.E. Jazykovoe soznanie i samo-soznanie lichnosti v narodnoj kul'ture // Jazyk i lichnost'. M.: Nauka, 1989. S. 34–40.
25. Potebnja A.A. Mysl' i jazyk. Kiev: Sinto, 1989.
26. Sternin I.A. O nacional'nom kommunikativnom soznanii // Lingvisticheskij vestnik. 2002. Vyp. 4. S. 87–94.
27. Sternin I.A. Kommunikativnoe i kognitivnoe soznanie // S ljubov'ju k jazyku. M.–Voronezh, 2002. S. 44–51.
28. Tarasov E.F. Jazykovoe soznanie i ego poznavatel'nyj status // Problemy psiholingvistiki: teorija i jeksperiment. M., 2001. S. 301–311.
29. Tarasov E.F. Social'no-psihologicheskie aspekty jetnopsiholingvistiki // Nacional'no-kul'turnaja specifika rechevogo povedenija. M.: Nauka, 1977. S. 4–77.
30. Ufimceva N.V. Struktura jazykovogo soznanija russkih: 70– 90-e gody // Jetnicheskoe i jazykovoe samosoznanie: materialy konf. M., 1995. S. 153–156.
31. Jakobson R. V poiskah sushhnosti jazyka // Semiotika. M., 1983. S. 102–117.
32. Jakobson R. Izbrannye raboty. M.: Progress, 1985.
33. Jakobson R. Jazyk i bessoznatel'noe (raboty raznyh let). M.: Gnozis, 1996.

Terminological variety in research of the issues of linguistic consciousness

The article deals with the issues of terminological variety and polysemantics of the modern researches in the sphere of linguistics. The author proves that it is unreasonable to differentiate the communicative and cognitive consciousness and suggests using the notions communicative and cognitive functions of consciousness of linguistic nature.

Key words: *terminological variety, consciousness and thinking, linguistic, communicative and cognitive consciousness, structure of consciousness, functions of consciousness.*

(Статья поступила в редакцию 01.07.2016)

О. В. АГАФОНОВА
(Волгоград)

ДИАЛОГИЧНОСТЬ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В БЛОГАХ

Рассматриваются интертекстуальность и сущность категории диалогичности, и на материале блогов выявляется специфика реализации данных категорий.

Ключевые слова: *диалогичность, интертекстуальность, показатели диалогичности, фигуры интертекста, Живой журнал.*

В глобальной сети Интернет все более значимое место занимает категория диалогичности. Интернет-общение по большей части диалогизировано. Категория диалогичности может встречаться не только в диалогических, но и в монологических текстах, если они учитывают фактор адресата, и возникать между сообщением и реакцией на него.

Вопрос об определении сущности категории диалогичности активно обсуждается лингвистами во многих работах (см. труды М.М. Бахтина, А.А. Волкова, Л.Р. Дускаевой, М.Н. Кожиной, Т.Н. Колокольцевой, О.А. Прохвятиловой и др.). Однако данный вопрос по-прежнему остается дискуссионным в связи с неоднозначностью имеющихся трактовок диалогичности.

Так, например, М.Н. Кожина определяет диалогичность как «выраженное в тексте средствами языка взаимодействие общающихся, понимаемое как соотношение двух или более смысловых позиций, как учет адресата (в широком смысле, в том числе и второго Я), отраженный в речи, а также эксплицированные в тексте признаки собственно диалога» [10, с. 36].

О.А. Прохвятилова характеризует диалогичность как «свойство текста (высказывания), отражающего отношения говорящего и слушающего, субъекта и адресата речи, отношение “я”-сферы и “ты”-сферы модуса высказывания» [14, с. 109].

Под диалогичностью, вслед за Т.Н. Колокольцевой, мы понимаем «учет адресантом (автором) речи фактора адресата (реального или воображаемого), его смысловой позиции, а также обозначение данной ориентации при помощи определенных языковых средств» [8, с. 129].